

ШКОЛА АРГОЛАЙ

ОКСАНА ЛЕБРЕН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Лебрен

Школа Арголай

<https://litres.ru/74439628>

SelfPub; 2026

Аннотация

За каменной стеной школы Арголай время словно застыло. Три вековые липы не сбрасывают листву даже зимой, стёртый герб хранит память о союзе пяти рас, а бронзовый колокол на старой башенке молчит уже сорок лет. Это место стало последним приютом для тех, кто не вписался в привычный мир: изгоев, бунтарей и полукровок. Но покой этого мрачного интерната рушится в тот день, когда у ворот останавливается серый автомобиль. Двое новых учеников переступают порог школы, и древняя бронза неожиданно оживает, издавая глухой, утробный гул. Колокол, молчавший почти полвека, признал их. Но кого именно?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Оксана Лебрен

Школа Арголай

Глава 1

Школа Арголай стояла на холме, отделённая от города каменной стеной и тремя вековыми липами, которые не росли — они стояли, как часовые, и не сбрасывали листву даже зимой. Здание из серого камня, узкие окна, башенка с бронзовым колоколом, который не звонил уже лет сорок. Над дверью — герб: раскрытая ладонь с пятью лучами, по одному на каждую расу. Ладонь была стёрта от времени, и лучей на ней было видно только три. В то утро, когда привезли двоих новых, колокол вдруг дрогнул. Его никто не заметил — кроме дворника, старого оборотня по имени Тагг, который в человеческой форме выглядел как грузный седой мужик с жёлтыми глазами и тяжёлыми руками. В звериной — он был волком, крупным, с проседью в шерсти и шрамом через всю морду, от того времени, когда ещё дрался за свою стаю. Он ушёл из стаи десять лет назад; говорить о причине не любил, а спрашивать у оборотня, который в звериной форме весит сто двадцать килограммов, — ненадёжное занятие. Он

стоял у задней стены, раскидывал щебень по дорожке, когда бронза на башенке загудела — низко, утробно, как зверь, которому наступили на хвост. Звук был не звонкий, а глухой, и продолжался ровно три секунды. Тагг выпрямился. Кисти его побелели на рукояти лопаты. Потом он медленно повернул голову к воротам — туда, где за стеной шум мотора и скрип тормозов. Обычная машина, серая, ничем не примечательная. Не школьный автобус. Частная.

— Вот значит как — сказал он негромко — Ну, посмотрим.

Первым вышел Микк. Он выскочил из машины — не вышел, а именно выскочил, хлопнув дверцей так, что водитель за стеклом вздрогнул. Поправил воротник — и широко, наигранно улыбнулся, словно его привезли на экскурсию, а не в школу-интернат, из которого в прошлый раз выгнали за драку с преподавателем. Машина была обычная — серый седан, с городскими номерами, с трещиной на лобовом. Водитель — человек, судя по запаху, который не долетал, но Тагг чувствовал — даже не обернулся, просто кивнул в зеркало и уехал, не сказав ни слова, не оглянувшись, словно избавился от чего-то ненужного. Микк был невысокий, рыжеволосый, весь в веснушках, с носом, который был чуть великоват для лица, и с руками, которые не знали покоя — он то теребил ремень, то сжимал кулаки, то хрустел пальцами. Человек — чистокровный, насколько это можно было сказать в мире, где чистота крови проверялась кристаллом, а кристалл врал.

— Ну, — сказал он, оглядев стену, — мрачно. Мне нравится.

А потом обернулся к машине — к пассажирской двери. И лицо у него в этот момент стало другим: не весёлым, не собранным — безгловым. Таким, с каким смотрят на грязь, которую случайно тронул, и теперь хочется руку отряхнуть, но при этом не перестать смотреть — потому что грязь смешная, и над ней можно посмеяться. Рэван вышел медленнее. Не потому что был слабее — просто каждое движение он будто заранее просчитывал: куда поставить ногу, как повернуть голову, не привлечёт ли что-то лишнее внимание. Он держался за край двери обеими руками, будто боялся, что машина поедет и он упадёт. Или будто ему просто нужно было за что-то держаться. Рэван был на год младше Микка, но выглядел на все тринадцать: худой, жилистый, с впалыми щеками и тёмными кругами под глазами, которые говорили не о недосыпе, а о чём-то более постоянном. Рубашка с длинным рукавом — в жару, в самое пекло конца лета. Волосы чёрные, прилизанные, закрывали пол-лица. Он не улыбнулся, не посмотрел на стену, не посмотрел на Микка. Он посмотрел на дверь школы — и пошёл к ней. Микк не догнал — перехватил. Встал на пути, скрестил руки, посмотрел на брата сверху вниз. Ростом Рэван не уступал, но почему-то всегда казался меньше — может, потому что держался так, будто пытался занять поменьше места в мире, который и без того был тесен.

— Ну что — сказал Микк, и голос у него был лёгкий, почти весёлый, как у человека, который развлекается, — перед ребятами школы тоже будешь прятаться? Прятки-прятки, Рэванчик прячется. Как дома, а? Только тут прятаться негде — стены голые. Рэван не остановился. Не поднял глаз. Просто попытался обойти — и Микк шагнул вбок, перекрывая дорогу.

— Я к тебе обращаюсь — сказал он тише, и веселье не ушло, но к нему добавилось что-то жёсткое, как камень под подошвой. — Когда я говорю — ты смотришь. Мамочка тебя не научила? Ой, точно. Мамочка же ушла. Рэван замер. Не от боли — от привычки. Тело замерло раньше, чем разум решил, нужно ли замирать. Это было выученное: когда Микк начинал — не бить (Микк не бил, Микк не любил марать руки), а давить словами, — лучше стоять и не двигаться. Движение привлекает внимание. Внимание — новый укол. Шаг вбок — и Микк шагнет следом, и снова перекроет, и снова скажет что-нибудь, от чего внутри станет горячо и тесно. А если стоять — может, быстрее надоест.

— Эй, — Микк щёлкнул пальцами перед его лицом, — ты тут? Или опять ушёл в свою дыру? Посмотри на меня.

Рэван поднял глаза. Серые, с какой-то странной, почти металлической полоской по краю радужки. Не человеческие — но и не звериные, не змеиные, не вампирские. Что-то другое, от чего по спине Микка прошёл холодок, но Микк холодок этот проигнорировал, как игнорировал всегда. Он не

боялся Рэвана. Он презирал его. Презрение — лучшая защита от страха: если то, что тебя пугает, ниже тебя — оно не страшное, оно жалкое.

— Вот так — сказал Микк, кивнул. — Уже лучше. А теперь иди.

И схватил Рэвана за шиворот — не грубо, не с силой, но и не мягко. Так, как берут за шкурку котёнка, который не понимает, куда идти, и надо ему помочь. Рэван дёрнулся — коротко, всем телом, как от удара током. Привычка: чужие руки на себе он не переносил, потому что чужие руки на нём означали боль — отцовскую плётку, Сэйловы тычки, бабкин взгляд, от которого хотелось сжаться в точку. Но Микк не бил. Микк тащил.

— Не дёргайся, — бросил Микк через плечо, волоча брата к двери. — Сам бы шёл — а то так и простоял бы у машины. Как столб. Ты у нас специалист по столбам. Рэван не сопротивлялся. Не потому что согласился — потому что сопротивление Микку было бесполезно: Микк был упрямее, быстрее, громче. Если Рэван упрётся — Микк потащит сильнее, и ещё раз скажет что-нибудь, и ещё раз улыбнётся, и от этой улыбки захочется провалиться. А если не упираться — может, отпустит быстрее. Так было всегда. Дома — тоже. Микк не бил, он давил, говорил вещи, которые не оставляли синяков, но оставляли что-то глубже — что-то, что не заживало за минуты, как порезы и ссадины. Рэван не знал, как назвать это. Не знал — и поэтому молчал. Молчание бы-

ло клеткой. Клетка была безопасностью. Они прошли через двор — Микк впереди, рука на братском воротнике, Рэван сзади, чуть сгорбленный, чуть убыстрённый чужой рукой. Со стороны — старший ведёт младшего. Нормально. Привычно. Если не присматриваться — не видно, что «ведёт» — это мягкое слово для «тащит», а «младший» — это мягкое слово для «тварь».

В учительской новость встретили молчанием.

Учительская в Арголае была длинная, с камином, который не горел с прошлого года — электрическое отопление заменили, но старую батарею так и не подключили, и с октября по апрель здесь было холодно. Три стола, скамьи, на стенах — портреты прежних директоров. Все с одинаковым мраморным выражением. Единственное, что отличало портреты друг от друга, — количество морщин: у вампиров их не было вовсе, у оборотня было слишком много, а у человека — ровно столько, сколько полагается тому, кто прожил трудную жизнь и не научился притворяться. Преподаватель тактики Роуд — человек, но с четвертью зверолоудской крови, что было известно всем и никем не упоминалось вслух — сидел за столом и точил клинок. Он делал это каждый день в одно и то же время, как ритуал. Клинок был учебный, тупой, но Роуд относился к нему серьёзно. Рядом с ним лежал телефон — перевёрнутый экраном вниз, на беззвучном режиме.

— Ещё один человеческий — сказал он, не поднимая глаз.

— Кота в мешке нам мало, давайте ещё.

— Двое, — поправила Ледиан, входя. Она была вампирессой — бледная, тёмноволосая, с глазами, которые меняли цвет от красного к чёрному в зависимости от времени суток. Сейчас, утром, они были тёмно-вишнёвые, усталые. — Два мальчика. Братья. Старший — Микк, пятнадцать, человек, чистокровный. Из предыдущей школы выгнали за драку с преподавателем. Младший — Рэван, четырнадцать.

Она положила на стол документ. Роуд даже не посмотрел — он уже сделал вывод по слову «человеческий» и точил клинок с удвоенным старанием.

— По материнской линии — не установлено, — продолжила Ледиан, и здесь её голос стал чуть ровнее, чем нужно, — по отцовской — человек. Гэррот, бывший капитан Северного легиона. Чистокровный.

— «Не установлено», — повторил Роуд и перестал точить. Клинок замер. — То есть порченный.

— То есть не установлено — сказала Ледиан.

Роуд фыркнул.

— В Арголай не берут полукровок. Это правило, а не рекомендация.

— Это правило было нарушено тридцать лет назад, когда приняли тебя — сказала Вэйра, преподавательница истории. Старая человеческая женщина, которая помнила времена, когда вампиры торговали с людьми открыто, а не через корпорации, и когда оборотни водили караваны на старых грузовиках, не боясь засад. — Ты на четверть зверолод,

Роуд. Мы все делаем вид, что не замечаем.

Роуд побагровел.

— Это другое.

— Это всегда другое, когда касается тебя — сказала Вэйра, не отрываясь от книги.

Никто не засмеялся, но напряжение в комнате сместилось. Ледиан это почувствовала. Она опустила глаза на документ и прочитала снова, медленно: «По материнской линии — не установлено». Она уже знала, что это ложь. Вопрос был — кто эту ложь состряпал и зачем.

— Кто их рекомендовал? — спросила она.

— Документ без подписи — сказал Роуд. — Печать Северного легиона. Но без имени.

— Без имени, — повторила Ледиан. — Удобно.

Вэйра за своим столом закрыла книгу — тяжело, с глухим стуком, который заставил всех обернуться. Впервые за весь разговор она подняла глаза.

— Колокол, — сказала она. — Сегодня утром. Вы слышали?

— Ветер, — сказал Роуд.

— Ветер не звенит бронзой — сказала Вэйра. — И не три секунды подряд. Последний раз колокол звенел тридцать лет назад — когда привезли полукровку с даром звероловов. Того, которого потом...

— Не нужно, — оборвала Ледиан.

— Двое братьев, — продолжила Вэйра, будто не слыша-

ла. — Один чистокровный, другой — нет. И колокол звенит. Интересно. Очень интересно.

— Интересно — это не слово, которое я бы использовала — сказала Ледиан.

— А какое?

Ледиан помолчала.

— Плохо.

Вэйра кивнула — медленно, будто и не ждала другого ответа. Ледиан забрала документ и вышла. В коридоре остановилась, прислонилась к холодному камню, закрыла глаза. Потом подошла к окну — тому, что выходило на двор. Посмотрела вниз. Мальчики уже были во дворе. Рыжий — старший — шёл впереди. Младший — сзади, чуть сгорбленный. Рыжий тащил его за шиворот, как мешок, и что-то говорил — не слышно что, но по тому, как младший вжал голову в плечи, по тому, как старший не оборачивался, было видно: это не забота. Это то, что в документах называется «опекой», а в жизни — называется издевательством. Ледиан смотрела. Младший не сопротивлялся — шёл, куда вели, и в этом не-сопротивлении было что-то слишком привычное, слишком отработанное. Как у существа, которое давно выучило: сопротивляться — хуже. «Вся семья, — подумала Ледиан. — Не только отец. Вся семья. И старший брат — тоже». Она видела это раньше. Не раз. Полукровки приходили в Арголай сломанными — и чаще всего ломали их не чужие, а свои. Семья — первый мир, и если первый мир говорит «ты —

тварь», то потом весь мир будет говорить то же, и человек — или не совсем человек — будет слышать это везде, в каждом слове, в каждом взгляде. Но сейчас это было не просто сломанное дитё. Сейчас это был сломанный мальчик с металлической полоской в радужке, от которого треснул кристалл и зазвонил колокол, молчавший сорок лет. Ледиан оттолкнулась от окна. Пошла по коридору. Каблуки стучали по камню — ровно, чётко, как метроном. Она служила в Ордене Крови пятнадцать лет. Орден создавался вампирами — как способ контролировать смешение рас, отслеживать полукровок, предотвращать появление «опасных линий». Ледиан вступила, потому что верила: знание — это защита. Знай, кто опасен, — и не придётся убивать. Потом она поняла, что Орден убивал чаще, чем защищал. И вот теперь — мальчик. Четырнадцать лет. Тихий. Серые глаза. Тень, которая прошла по шее — она видела это из окна, едва заметно, на долю секунды. И рядом — старший брат, который тащит его за шкирку и смотрит сверху вниз с презрением, которому научился не в школе. Время было. Но его было мало. Во дворе Тагг смотрел на мальчиков из-за угла. Он видел, как рыжий выскочил из машины и хлопнул дверцей. Видел, как второй вышел медленно, держась за край двери. Видел, как рыжий встал на пути, скрестил руки, посмотрел сверху вниз — и потому, как он стоял, как держал голову, как улыбался, Тагг понял: это не брат, который ведёт. Это брат, который давит. Тагг узнал эту позу. Он видел её в стаях — у оборотней, ко-

которые нашли слабого и давят его, пока тот не сломается или не убежит. У людей это выглядело иначе — без рычания, без зубов, — но суть была та же: показать, кто сильнее, и получить от этого удовольствие. А потом Тагг увидел то, чего не увидел Микк: когда Рэван поднял глаза на брата, на мгновение — на долю секунды, меньше, чем моргает глаз — по его щеке прошла тень. Не тень от дерева, не облако — тень внутри кожи, как чешуйка, проступившая и тут же спрятавшаяся. Тагг знал этот знак. Он видел его однажды — давно, когда ещё был в стае и ездил с охотниками на юг, на болота. Там, в пещерах, старая змея — ей было, может, пятьсот лет — показала ему рисунок на стене, подсвеченный фонарём мобильного. Рисунок был древним, выцветшим, но одна деталь осталась чёткой: фигура с серыми глазами, с полоской металла в радужке. Это не наши предки — сказала тогда старая, шипящим голосом, который резал слух, как нож по стеклу. — И не человек. Это помесь. Вампир и оборотень. Тагг тогда засмеялся.

— Не бывает. Вампиры и оборотни — враги. Они не...

— Не спариваются? — старая посмотрела на него так, что смех застрял в горле. — Враги — это на войне. А в постели, мальчик, все одинаковые. Кровь не спрашивает разрешения. Кровь делает, что хочет.

— Но ребёнок... — Тагг запнулся. — Ребёнок от вампира и оборотня не выживает. Все знают. Крови убивают друг друга.

— Убивают, — кивнула старая. — Почти всегда. Девяносто девять раз из ста. Ребёнок рождается — и крови начинают войну внутри него. Вампирская и звериная. Одна жрёт другую. И ребёнок горит изнутри. Три дня, пять, неделю — и умирает. В муках. И хорошо, что умирает.

— А в сотый раз?

Старая помолчала. Потом провела пальцем по рисунку — по фигуре с серыми глазами и металлической полосой.

— В сотый раз крови не убивают друг друга. Они... договариваются. Срастаются. И рождается то, чего быть не должно. Вампир, который перекидывается зверем. Оборотень, который пьёт кровь. Существо, в котором холод и ярость живут вместе, не убивая — а усиливая. Представь, мальчик: оборотничья регенерация, помноженная на вампирскую силу. Звериный инстинкт, помноженный на вампирский голод. Скорость, которая не знает предела, потому что тело чинит себя быстрее, чем что-либо может его сломать.

— И что с ним становится? — спросил Тагг.

— Ничего, — сказала старая. — Потому что таких не оставляют. Вампиры находят первыми — и убивают, потому что помесь для них — грязь. Оборотни находят вторыми — и тоже убивают, потому что помесь для них — позор. А если не находят ни те, ни другие...

— Что?

— Значит, кто-то очень хорошо его прячет. Очень долго. И лучше бы не переставал.

Тагг тогда не понял. Не поверил. Драконы — сказки, по-
месь вампира и оборотня — сказки, старая змея в пещере —
сказка. Он уехал из болот и забыл. Теперь — стоя у стены
Арголая, с лопатой в руках, глядя на мальчишку, у которо-
го по шее прошла тень — вспомнил. И ещё он заметил дру-
гое: как рыжий — старший, чистокровный, человеческий —
схватил младшего за шиворот и потащил. Не забота — хват-
ка. Хватка человека, который привык обращаться с братом
как с вещью. «Старший не знает, — подумал Тагг. — Не зна-
ет, что давит. Не знает, что тот, кого он тащит за шкуру,
— не просто полукровка. Что в этом мальчишке спят две
крови, которые должны были убить друг друга ещё в утробе.
И не убили. Договорились. И если они проснутся по-настоя-
щему — если вампирская и оборотничья выйдут наружу од-
новременно — шутки этого рыжего кончатся. Очень быстро.
Очень плохо». Тагг бросил лопату. Пошёл к директору. По
дороге остановился, поднял кусок щебня и сжал в кулаке —
так, что камень раскрошился в пыль. Оборотни чувствуют
страх иначе, чем люди: не холодом в животе, а жаром в ко-
стях. Кости горели. «Вампир и оборотень, — думал он. —
В одном теле. В моей школе. И его тащат за шкуру, как
щенка. А отец — человек. Чистокровный человек. Значит,
мать...» Он остановился. Мать. Материнская линия — не
установлена. Документ без подписи. Печать без имени. Мать
была не «не установлена». Мать была спрятана. Или убрана.
А ребёнка — ребёнка, который должен был сгореть изнутри,

— кто-то оставил. В человеческой семье. Вдали от вампиров, вдали от стай, вдали от всех, кто мог бы узнать. «Кто-то очень хорошо его прячет — сказала старая змея. — И лучше бы не переставал». А теперь — перестал. Привёз в школу. В Арголай. В школу, где есть и вампиры, и оборотни. Где кристалл может отличить одну кровь от другой. Где колокол звонит. Тагг не решил, что хуже: что мальчик здесь, или что тот, кто его привёз, сделал это намеренно. Но обдумать это он не успел — из дверей школы вышел парень. Староста — это было понятно без слов: старший, лет семнадцать, с бейджем на груди и лицом человека, который привык, что его слушают. Он подошёл к братьям, окинул быстрым взглядом — рыжий, шумный; тихий, сгорбленный — и сказал:

— Директор вызывает. Обоих.

Микк отпустил ворот Рэвана — не потому что хотел, а потому что при посторонних хватать брата за шкуру было не комильфо. Даже Микк это понимал. Он поправил рукав, расправил плечи и пошёл первым — уверенно, руки в карманах, как хозяин положения. Рэван — за ним, на полшага позади, как всегда. Кабинет директора был на третьем этаже, в угловой башне. Лестница — винтовая, по каменным ступеням, стёртым посередине: тысяча ног прошли здесь до них. На стенах — голый камень и две полосы: красная и серебристая, от пола до потолка, как трещины, заполненные краской. Рэван заметил их и на секунду задержал взгляд. Красная и серебристая. Как линии на его ладонях ночью. Он от-

вёл глаза и пошёл дальше. Дверь — дубовая, с медной ручкой в форме ладони. Староста постучал дважды, дождался, и дверь открылась сама — не скрипнула, не застонала, а именно открылась, будто её ждали.

— Заходите, — сказал староста и остался снаружи.

Кабинет был маленький и строгий: окно с видом на двор-колодец, стол, два стула перед ним, книжный шкаф — и больше ничего. Ни украшений, ни тепла. Каменные стены, каменный пол, и запах — старой бумаги и чего-то холодного, цветочного. Рэван остановился на пороге. Запах. Цветочный, неземной. Тот самый. Запах матери — который он помнил по обрывкам, по снам, по теплу рук, которых не было уже девять лет. Здесь. В кабинете директора. Он моргнул, проглотил, пошёл дальше. Директор сидела за столом. Она была красива той красотой, которая не греет: тёмные волосы, убранные назад, лицо бледное и ровное, без единой морщины, глаза — чёрные, глубокие, как колодцы. Одежда строгая, тёмная, ворот высокий. На столе — документы, перо, и кристалл — небольшой, мутный, на подставке из чёрного дерева. Кристалл был мутным, но когда Рэван вошёл — чуть засветился. Едва заметно, как уголёк, на который дунули. Директор не посмотрела на кристалл. Она посмотрела на мальчиков.

— Садитесь, — сказала она.

Голос — ровный, низкий, без теплоты и без злости. Как у человека, который говорит не чтобы общаться, а чтобы

установить границы. Микк сел первым — развалился, закинул ногу на ногу, откинулся на спинку. Рэван сел рядом — прямо, руки на коленях, спина не касающаяся спинки стула. Привычка: сидеть так, чтобы можно было встать быстро. Директор смотрела на них. Молчание длилось минуту — целую минуту, которая в этом кабинете, под этим взглядом, тянулась как резина. Микк ёрзал, тербил ремень, хрустел пальцами. Рэван не двигался.

— Меня зовут Оррена — сказала она наконец. — Я директор школы. Не декан, не куратор — директор. Это значит, что всё, что происходит в этих стенах, проходит через меня. Всё. Включая то, что вы сейчас услышите.

Она посмотрела на Микка.

— Микк. Пятнадцать. Чистокровный человек. Из предыдущего учебного заведения выгнан за драку с преподавателем. — Она подняла документ. — Преподаватель — крупнее вас втрое. Вы сломали ему нос. Нос сросся за полчаса. Вы получили замечание, преподаватель — синяк. Через неделю вы бросились на него снова. На этот раз — с табуретом. Табурет сломался, преподаватель нет. Вас отчислили.

Микк ухмыльнулся.

— Он первым начал.

— Я не спрашивала, кто начал — сказала Оррена. — Я говорю, что было. И что будет.

Она перевела взгляд на Рэвана. И здесь — на секунду, на долю секунды — её чёрные глаза стали глубже. Будто она

увидела что-то, чего не ожидала, и теперь решала, что с этим делать.

— Рэван. Четырнадцать. По отцовской линии — человек. По материнской — не установлено.

Она помолчала. Кристалл на столе снова мигнул.

— Не установлено, — повторила она, и в голосе впервые проступило что-то — не раздражение, не сочувствие, а что-то третье. — В Арголае «не установлено» значит одно: кристалл не смог определить. А кристалл определяет всё. Все линии, все смеси, все примеси. Кристалл видит всё.

Она посмотрела Рэвану в глаза. Прямо — и он выдержал, не отвёл, хотя внутри всё сжалось, потому что эта женщина смотрела не как человек, а как существо, которое видит в темноте, и темнота внутри Рэвана — его клетка, его молчание, его тайна — для неё не была темнотой.

— Кристалл не смог определить твою кровь — сказала она тихо. — Это значит, что в тебе есть кровь, которую кристалл не умеет читать. Или не хочет.

Рэван молчал.

Микк перестал ёрзать. Он смотрел на директора, потом на брата, потом снова на директора — и в его глазах впервые за весь день проступило что-то, кроме презрения: непонимание. «Не установлено» — он слышал это и раньше, дома, когда Гэррот получал какие-то бумаги и матерился. Но директор говорила об этом иначе — не как о позоре, а как о загадке. Микк не любил загадки. Оррена закрыла документ.

— Я не буду делать вид, что вы здесь желанные гости — сказала она, и голос снова стал ровным. — Вы здесь, потому что вас некуда больше деть. Не потому, что вы талантливы, не потому, что вы заслужили — а потому, что Арголай — последнее место, которое примет. Последнее. Следующего не будет.

Она посмотрела на Микка.

— Если ты бросишься на преподавателя с табуретом здесь — тебя не отчислят. Здесь не отчисляют. Здесь — наказывают. И наказание здесь не такое, как в человеческих школах. Вам не поставят в угол и не вызовут родителей. У вас нет родителей, которых можно вызвать. У вас есть стены. И стены умеют учить. Микк побледнел. Не от страха — от злости. Но промолчал: что-то в голосе этой женщины говорило, что спорить — бесполезно. Не потому, что она не слушает. Потому, что она уже решила.

— Сейчас вас отведут в класс. Ваш куратор — преподаватель Риэль. Она ведёт первый поток. Она вас встретит.

Она помолчала. Потом добавила — тише, но не мягче:

— И последнее. В Арголае каждый — каждый — защищает свою территорию. Свои коридоры, свои столы, свои углы. Вы входите в чужой дом. Не как гости — как чужаки. Помните это.

Она кивнула — и дверь за ними открылась сама. В коридоре их ждала женщина. Не староста — другая. Высокая, сухая, с прямой спиной и лицом, на котором ничего не было —

ни улыбки, ни злости, ни интереса. Пустое лицо, как чистый лист, на котором ещё ничего не написано, но знаешь, что напишут — и красным. Рэван посмотрел на неё — и внутри дёрнуло в другую сторону, не как от директора, не голодом, а напряжением, как мускул, который хотят согнуть, а он не гнётся.

— Риэль, — сказала женщина. Не представилась — назвала имя, как клеймо. — Идёмте.

Она пошла — не оглядываясь, не проверяя, идут ли. Идёт — значит идёт. Не идёт — значит сам виноват. Шли по коридорам. Длинные, тёмные, с факелами на стенах — настоящими, не электрическими: огонь живой, дрожащий, бросающий тени, которые двигались, когда мальчики проходили мимо, будто тени знали, что в них — кто-то, кто не должен быть здесь. Риэль шла впереди — ровно, чётко, каблуки стучали по камню. Микк шёл за ней, всё ещё бледный от разговора с директором. Рэван — за Микком, как всегда.

— Эй, — шепнул Микк через плечо, — ты понял, что она имела в виду? «Кровь, которую кристалл не умеет читать»? Что за чушь?

Рэван не ответил. Он и сам не понимал. Но тело понимало что-то, чего разум не мог сформулировать: с тех пор, как они вошли в школу, внутри него было два голоса. Один — тянущий, голодный, тёмный. Другой — рвущийся, жёсткий, звериный. И оба проснулись, оба откликались на запахи, на присутствие, на кровь в стенах. Рэван никогда не чувствовал

их так ясно. Дома — дома было тихо. Может быть, потому что дома не было никого, на кого отвечать. А здесь — здесь были все. И все — были близко. Риэль остановилась у двери. Тяжёлой, деревянной, с железной ручкой. Из-за неё — шум голосов, смех, грохот стульев. Класс.

— Войдите, — сказала Риэль. — Когда войдёте — стойте у двери. Не садитесь. Не говорите. Ждите.

Она открыла дверь. Класс был большой — двадцать парт, тридцать учеников. Кто-то сидел бледный и неподвижный, с глазами, которые не мигали. Кто-то — шумный, крупнее остальных, с тяжёлыми руками и лёгкой опасной грацией. Кто-то — с раскосыми глазами и острыми скулами. Кто-то — в углу, самые тихие, с вертикальными зрачками и кожей, которая чуть поблёскивала. И кто-то — у стены, как всегда, незаметные, сгорбленные, старающиеся. Тридцать пар глаз повернулись к двери. Микк вошёл первым. Улыбнулся — широко, наигранно, как умел. Рэван — за ним, опустив голову, волосы закрывали пол-лица. Тишина. Не сразу — сначала был шум, гам, грохот. Но когда ученики увидели новеньких, шум стих, как вода, которую закрыли краном. Секунда — и полная тишина. Тридцать пар глаз — и в каждой паре одно и то же: оценка. Оценивали, как хищники оценивают добычу: не зло, не лично — профессионально. Кто слабее. Кто сильнее. Кто — чужой. Микк — рыжий, маленький, человеческий. Слабый — по меркам Арголая, где сила измерялась не ростом и не весом, а тем, что даёт кровь. Микк это

не знал ещё, но чувствовал — по тому, как на него смотрели: сверху вниз. Без исключений. Рэван — худой, впалый, с длинными рукавами и волосами, закрывающими лицо. Ничего приметного. Ничего опасного. И всё же — некоторые задержали на нём взгляд дольше, чем нужно. Не потому, что увидели что-то — потому, что учуяли. Кто-то нахмурился. Кто-то чуть отодвинулся. Кто-то повернул голову — медленно, как от запаха, который не может определить, но от которого хочется одновременно приблизиться и отойти. Один из тех, что покрупнее — с татуировкой на шее и тяжёлой челюстью — тихо, но слышимо, сказал соседу:

— Это тот, из-за кого колокол звенел.

Посмотрели. Зашептали. Шёпот пошёл по классу — от парты к парте, волной, как запах, как пожар. Риэль вошла за мальчиками, встала у доски, и шёпот оборвался — не потому что испугались, а потому что знали: Риэль не любит шума. Она стояла у доски — прямая, сухая, с пустым лицом — и молчала. Молчала десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Класс стоял по струнке. Микк переминался у двери. Рэван не двигался.

— Сядьте, — сказала Риэль наконец. — Третий ряд. Свободные места.

Они сели. Парты были деревянные, с вырезанными именами — прежних учеников, которые давно ушли. Рэван провёл пальцем по вырезанному: «Кайл. 2023». И ниже, другим почерком, кем-то нацарапано: «Ушёл. Не finished». Рэван не

стал думать, что значит «finished». «Ушёл» — понятно. Риэль обвела класс взглядом.

— Итак, — сказала она, и голос у неё был такой, от которого хотелось сесть ровнее и не дышать. — У нас новенькие. Как видите — двое. Братья.

Риэль медленно прошла вдоль рядов, не глядя на учеников, будто и не нуждалась в том, чтобы видеть — она чувствовала их взгляды, их напряжение, их молчаливое ожидание. Остановилась у доски, повернулась к Микку и Рэвану. Её лицо оставалось таким же ровным, будто высеченным из камня.

— Мне безразлично, что было в других школах и как вы себя там вели, — произнесла она, и каждое слово падало в тишину, как тяжёлый камень в воду. — Здесь — не там. Здесь вы мне подчиняетесь. Захотите сами — будет легче. Не захотите — заставлю. У меня нет времени нянчиться с теми, кто не умеет держать спину прямо и язык за зубами.

Она сделала паузу, давая словам осесть, проникнуть под кожу, добраться до самых упрямых нервов.

— Мой класс — лучший в школе, — продолжила она, чуть повысив голос, чтобы услышали даже в дальнем углу. — И я не потерплю в нём отбросов, которые тянут остальных вниз. Здесь каждый отрабатывает своё место. Каждый день. Каждую минуту. Если вы не будете успевать — будете наказываться. И наказание будет не в том, что вас выгонят. Вас не выгонят. Вы останетесь. И будете делать то, что я скажу,

столько раз, сколько потребуется, пока не научитесь.

Рэван сидел, не шевелясь, будто если замереть достаточно крепко, слова не смогут его коснуться. Микк стиснул зубы, но даже не попытался дерзить — что-то в этой женщине говорило, что дерзость здесь не сработает, только сделает хуже.

— Вы будете приходить на уроки вовремя, — продолжала Риэль, теперь уже обращаясь ко всему классу, но так, что каждый чувствовал: эти слова — и про него тоже. — Вы будете отвечать, когда спросят. Вы будете молчать, когда велено молчать. Вы будете делать то, что сказано, без вопросов и без оправданий. Если я даю задание — оно выполняется. Если я ставлю оценку — она не обсуждается. Если я назначаю наказание — оно отбывается. Без исключений. Без жалости. Без поблажек.

Она обвела взглядом класс, и на секунду показалось, что даже воздух стал тяжелее.

— Сегодня вы новенькие, — сказала она уже тише, но от этого не менее жёстко. — Завтра вы станете частью системы. И если вы не впишетесь — система вас сломает. Не потому что она злая. Потому что она не терпит пустоты. Пустоту надо заполнять. Либо вы заполняете её дисциплиной, либо она заполняет вас наказанием. Выбирайте.

Снова повисла тишина — плотная, почти осязаемая. Никто не шевельнулся, никто не переглянулся. Даже самые дерзкие, те, кто обычно бросал взгляды исподлобья, сейчас смотрели прямо перед собой, будто боялись встретиться с её

глазами.

— Сейчас вы откроете тетради, — сказала Риэль, беря мел. — И запишете правила моего класса. Все до единого. А потом будете их повторять, пока не выучите наизусть. Пока не станете жить по ним.

Мел сухо заскрипел по доске. Она начала писать — крупно, чётко, будто высекая каждое слово:

1. Не опаздывать.
2. Не спорить.
3. Не выделяться.
4. Выполнять без промедления.
5. Отвечать только по вызову.
6. Молчать, когда не спрашивают.
7. Наказание — неотвратимо.

Класс шуршал страницами, скрипел ручками. Микк во-
дил пером по бумаге, и рука его всё ещё подрагивала, но он старался писать ровно, будто сам этот ровный почерк мог стать щитом. Рэван выводил буквы — аккуратно, без нажима, так, как делал всё, что требовало терпения: будто если сделать всё правильно, ничего плохого не случится. Когда список был дописан, Риэль отложила мел и снова встала перед классом.

— Теперь, — сказала она, — вы прочитаете это вслух. По очереди. И когда вы будете читать, я буду смотреть на вас. И я буду видеть, кто воспринимает это всерьёз, а кто думает, что можно просто произносить слова.

Она кивнула на первого ученика — бледного парня с неподвижным взглядом. Тот поднялся, прокашлялся, будто прогоняя ком в горле, и начал:

— Не опаздывать...

Голос звучал неуверенно, но с каждым словом становился твёрже — не потому что он вдруг поверил, а потому что понял: здесь нельзя звучать слабо. Слабость замечали. Слабость использовали. Слабость наказывали. Когда очередь дошла до Микка, он встал — быстро, чуть резче, чем нужно, будто хотел показать, что ему не страшно. Прочитал правила ровно, без эмоций, стараясь не выдать ни дрожи в голосе, ни напряжения в плечах. Рэвану не пришлось вставать. Риэль скользнула по нему взглядом, задержалась на секунду — и кивнула, разрешая остаться на месте. Он не понял, было ли это снисхождением или просто тем, что она решила не тратить на него лишние силы. Начался урок. Риэль говорила сухо, чётко, без лишних эмоций — будто не объясняла тему, а вбивала в головы железный порядок. Она не спрашивала, понятно ли, не давала поблажек, не повторяла дважды. Если кто-то не успевал записывать — это была его проблема. Если кто-то поднимал руку не по правилам — получал замечание, которое тут же заносилось в журнал. Микк пару раз хотел съязвить, привычно, чтобы разрядить напряжение, но поймал на себе ледяной взгляд Риэль — и прикусил язык. Впервые в жизни он понял: здесь шутка не спасёт, а только подставит. Но постепенно напряжение стало рассасываться

— не потому что Риэль вдруг подобрела, а потому что урок оказался... нормальным. Обычным. Она рассказывала про историю города, про то, как строили старую ратушу, про пожар 1903 года и про то, как после него школу перестраивали трижды. Голос у неё оставался ровным, будто она читала сводку новостей, но сама история была живой: с именами, датами, смешными мелочами — вроде того, как директор того времени прятал в кабинете банку варенья и каждый год кто-то её находил. И класс понемногу втягивался: кто-то перестал сидеть как на иголках, кто-то даже начал задавать вопросы — коротко, по делу, и Риэль отвечала так же: чётко, без воды, но так, что становилось понятно. Микк слушал и сам не заметил, как перестал сжимать кулаки. История про варенье его даже чуть рассмешила — и он поймал себя на мысли, что впервые за день хочется не сбежать, а дослушать. Когда Риэль попросила открыть учебники на странице 42, он сделал это без внутреннего протеста, а когда она дала задание — выписать три главных события и объяснить, почему они важны, — он даже не закатил глаза. Просто сел и начал писать. Рядом кто-то хмыкнул, кто-то тихо спросил про дату, и Микк вдруг ответил, не задумываясь: «Там в сноске, смотри». И парень кивнул — без благодарности, без особой теплоты, просто как тому, кто знает, о чём речь. Этого хватило. Рэван тоже слушал. Не потому что ему было особенно интересно про ратушу и пожар, а потому что ровный голос Риэль будто создавал вокруг него невидимую стену: пока она

говорит, на него никто не смотрит, никто не ждёт от него слов, никто не оценивает. Он записывал аккуратно, строчку к строчке, и это помогало держать голову опущенной, не поднимать глаз, не сталкиваться с чужими взглядами. Но в какой-то момент он всё-таки поднял голову — просто чтобы посмотреть, где они сейчас на карте, которую Риэль повесила у доски. И заметил, что парень впереди, тот самый крупный, с тяжёлой челюстью, который на входе так на него смотрел, сейчас склонился над тетрадью и хмуро пересчитывает даты. Совсем обычный. Просто старше, просто крупнее, просто не любит ошибаться. И от этого Рэвану стало чуть легче: если даже он так напряжённо пишет, значит, дело не в нём. Значит, Риэль такая со всеми. Когда прозвенел звонок на перемену, класс не сорвался с мест, как в других школах, где все вскакивали и неслись к двери. Здесь вставали спокойно, собирали тетради, убирали ручки, и только потом шли к выходу — будто даже перемена была частью порядка, который нельзя нарушать. Микк потянулся, выдохнул и вдруг поймал на себе взгляд того юркого парня, с которым перекинулся парой слов на прошлой перемене. Тот кивнул, как будто говорил: «Ну, ты тут. Нормально». И Микк кивнул в ответ. Без лишних слов. На большой перемене столовая оказалась самой обычной: длинные столы, запах жареной картошки, очередь у раздачи, шум голосов, который не был злым — просто громким, как бывает, когда в одном помещении много подростков. Микк быстро сориентировался: взял под-

нос, выбрал котлету с пюре, добавил салат и сел там, где уже сидели те двое — крупный и юркий. Они не улыбались, не хлопали его по плечу, но и не отодвигались. Просто продолжали есть и обсуждать, кому когда дежурить в холле. Микк вставил пару слов, не стараясь понравиться, просто чтобы быть частью разговора, и этого хватило. Через пять минут он уже смеялся над чьей-то шуткой — обычной, школьной, про то, как физрук однажды перепутал ключи и полчаса пытался открыть шкафчик от раздевалки ключом от кабинета. Смех был нормальным, без напряжения, и Микк понял: он впервые за этот день почувствовал, что может дышать. Рэван на перемене не пошёл в столовую. Он не хотел стоять в очереди, не хотел, чтобы на него смотрели, пока он выбирает еду, не хотел случайно столкнуться с кем-то плечом и вызвать цепную реакцию из «эй, осторожнее» и «да ладно тебе». Вместо этого он вышел во двор — туда, где было тише, где между корпусами тянулась узкая дорожка, а сбоку стояла старая скамейка, почти скрытая кустами сирени. Он сел, достал свой бутерброд, развернул фольгу и стал есть медленно, прислушиваясь не к себе, а к тому, что вокруг: к шуму из окон, к шагам на крыльце, к смеху где-то дальше, к скрипу качелей, которые кто-то раскачивал. Звуки были обычными. Городскими. Школьными. И от этого становилось чуть спокойнее. Пока он доедал, к скамейке подошёл невысокий парень в очках, с толстой папкой под мышкой. Он остановился, будто не решаясь сесть рядом, потом всё-таки сел — но

не вплотную, а так, чтобы между ними оставалось место.

— Ты Рэван? — спросил он тихо, не поворачиваясь, глядя куда-то вперёд, на стену школы. — Я Лео. Из параллельного. Мне Риэль сказала передать, что библиотека ждёт тебя после уроков. Ты сегодня дежуришь. Поможешь расставить книги, а потом... ну, она сказала, ты будешь писать отчёт. Про тех, кто приходит. Ничего сложного. Просто замечать.

Рэван кивнул. Не потому что был рад, а потому что это звучало... нормально. Не как угроза, не как наказание, а как обычное поручение. Как если бы ему сказали: «Помоги донести коробки».

— Спасибо, — сказал он, и слово прозвучало чуть неловко, будто он редко его говорил.

Лео пожал плечами.

— Да ладно. Там в библиотеке тихо. Если хочешь, я покажу, где что. Или не покажу. Как удобнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.